

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XI—XVII ВЕКОВ

Министерство просвещения СССР
Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XVII ВЕКОВ

Под редакцией
Д. С. ЛИХАЧЕВА

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебника
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОРАБОТАННОЕ

а 66246 / 1

Тираспольская
центральная городская
БИБЛИОТЕКА

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1985

Спринди коврато ктоты его тоуль,
 и пниде въ храмнид івнидв схрамнид
 ездши едннд дѣид итислши, прети
 юношд еи. азъ садга кнзъ петра
 кнзъ мовдѣжи волхуню, ѿпдѣрї,
 прпдѣи кнзъ своіго
 икно.

Феврония за ткацким
 станком. Миниатюра
 к «Повести о Петре
 и Февронии», XX в.
 (ЛОИИ).

до нас редакция такого выдающегося литературного памятника Древней Руси, как житие Петра и Февронии.

«Повесть о Петре и Февронии». Дошедшая до нас житийная «Повесть о Петре и Февронии» представляет собой сочинение писателя и публициста XVI в. Ермолая-Еразма¹. Биографические сведения об этом писателе весьма скудны. В середине XVI в. он приехал в Москву из Пскова и стал протопопом дворцового собора в Москве, а к началу 60-х гг. постригся в монахи (под именем Еразма) и, возможно, покинул столицу. Наиболее значительным публицистическим произведением Еразма был трактат «Благохотящим царям правительница и землемерие». В этом сочинении Ермолай-Еразм высказал мысль о «ратаях» (крестьянах) как основе всего общества: «...от них (их) трудов есть хлеб, от сих же всех благих главизна (большинство всех благ)... и вся земля (страна) от царя и до простых питаема». Считая общественное неравенство, при котором «ратай» кормит своих господ, неизбежным явлением, Ермолай, однако, предлагал твер-

¹ Спор о времени написания дошедшего до нас текста «Повести» в настоящее время решен благодаря находке автографа «Повести» (см.: «Повесть о Петре и Февронии» / Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 95—118).

Феврония передает слуге
лекарство для князя.
Миниатюра к «Повести
о Петре и Февронии».
XV в. (ЛОНИ).

|| прише рикша ен слово, она и зънь
гозды мау почерне кнелди свои
идди иль. ирети. даоу три рикшо
аше му банию. да по маждить стра
пы рикшы, его.

до определить размеры крестьянских оброков и оградить крестьян от притеснений государственных землемеров и сборщиков. Такое решение, по его мнению, приведет к уменьшению «всякого мятежа»¹.

Наряду с публицистическими памятниками Ермолай-Еразм создавал и агиографические — «Повесть о рязанском епископе Василии» (вошедшую впоследствии в «Житие Муромского князя Константина») и «Повесть о Петре и Февронии», основанную, очевидно, на житийном рассказе XV в.

Существование рассказа о Петре и Февронии, составленного еще до конца XV в., доказывается тем, что сохранилась церковная служба XV в., посвященная муромскому князю Петру, победившему змея, и его мудрой супруге Февронии, с которой Петр был похоронен в едином гробе. Очевидно, основной сюжет повести сложился еще до Ермолая-Еразма.

Сюжет этот таков. К жене мудрого царя Павла повадился летать змей, принимавший облик ее мужа. Против змея высту-

¹ См.: Ржиган В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК. Л., 1926, с. 103—200.

пает брат Павла Петр, побеждающий его; но от крови змея, брызнувшей на Петра, он заболевает — тело его покрывается струпьями. Петра излечивает мудрая крестьянская девушка Феврония; в награду она требует князя себе в мужа.

Сюжет повести перекликается со многими произведениями русского и мирового фольклора; отразился он и в письменных источниках средневековья. В знаменитом западноевропейском (кельтском, французском) сказании о Тристане и Изольде рассказ тоже начинается с победы героя (Тристана) над змеем (драконом); излечивает его героиня (Изольда).

Однако «Повесть о Петре и Февронии», в отличие от легенды о Тристане и Изольде, — это рассказ не о любви, не о всепобеждающей страсти героев, а о верной супружеской жизни, причем основным мотивом этой повести является способность героини рассказа «переключать» (перехитрить) любого собеседника — черта, сближающая Февронию с летописной Ольгой из «Повести временных лет».

Феврония появляется в повести после того, как заболевший Петр, ища излечения, посылает по всей Рязанской земле «искати врачей». Княжеский отрок (слуга) во время этих поисков попадает в деревню Ласково и видит девушку за ткацким станком; перед нею прыгает заяц. На вопрос отрока, где остальные жители дома, она отвечает, что родители ее пошли «взаем (взаимы) плакати», а брат отправился «сквозь ноги в нави зрети» (смотреть вниз, чтобы не разбиться насмерть). Отрок не может разгадать эти загадочные слова, но девушка объясняет ему, что родители пошли оплакивать покойника: когда они умрут, по ним так же будут плакать, значит, они плачут взаимы; брат же ее — бортник, добывающий мед с деревьев и глядящий себе под ноги, чтобы не сорваться и не погибнуть. Убедившись в мудрости Февронии (так зовут девушку), отрок просит ее излечить своего князя. Феврония соглашается, но с условием, что Петр возьмет ее в жены.

Как понимать это условие? Читатель, который воспринимал повесть только как житие, а в Февронии видел прежде всего святую, мог видеть здесь проявление ее мудрости — она заранее знала, что Петр предназначен ей в мужа. Но люди, воспитанные на народных сказках, где часто встречается подобное условие, могли воспринимать этот мотив и иначе — в чисто бытовом плане. Живя в своей деревне Ласково, Феврония едва ли могла даже видеть Петра до того, как он обратился к ней за излечением. У читателя, естественно, создается впечатление, что к Петру Февронию влекла не любовь (в легенде о Тристане и Изольде упоминается волшебный любовный напиток), а лишь желание не упустить свое счастье.

Такой же ум и умение «переключать» собеседника обнаруживает Феврония и при переговорах с Петром. Вначале княжич пытался испытать Февронию: он послал ей клочок льна и потребовал, чтобы она выткала из него одежду для него. Но Феврония

отвечает нелепостью на нелепость¹: она соглашается выполнить просьбу Петра при условии, если княжич приготовит ей из щепочки ткацкий станок. Сделать это Петр, естественно, не может и поэтому отказывается от своего требования. После излечения Петр пытается нарушить обещание жениться на крестьянке. Но Феврония предусмотрительно велела смазать все его язвы, кроме одной, и вероломство Петра приводит к тому, что от «того струпа» начали «многи струпы расходиться на теле его»; для окончательного излечения Петру приходится выполнить свое обещание.

Петр женится на Февронии, но бояре Муромской земли не желают, чтобы княгиней у них была крестьянка. Она соглашается уйти из Мурома, но с условием, что ей разрешат взять с собой то, что она попросит. Бояре соглашаются, и княгиня просит только «супруга моего князя Петра».

Вместе с Петром и Февронией из Мурома на корабле отплывают и некоторые их приближенные. Среди них некий женатый человек, который, подстрекаемый бесом, «возрев (посмотрел) на святую с помыслом (вождедением)». Тогда Феврония посоветовала ему зачерпнуть и испить воды с одного борта судна, затем — другого. «Равна ли убо... вода есть, или едина слажши?» — спросила она его. Тот ответил, что вода одинакова. «И едино естество женское есть. Почто(зачем)... свою жену оставя, чюжия мыслиши (о чужой думаешь)?» — объяснила Феврония.

Как понимать эти сцены? Как и история женитьбы Петра на Февронии, они могут быть восприняты по-разному: и как указание на мудрость героини, и как свидетельство ее своеобразного лукавства. Феврония предвидит, что глупые бояре не поймут, что именно попросит у них княгиня, и таким образом «переключивает» их. Так же и ее ответ нескромному попутчику на корабле имеет не открыто поучительный, а шутливый характер; подобным же образом отвечала на нескромные домогательства французского короля одна из героинь «Декамерона» Боккаччо (день 1, новелла 5).

Изгнание Петра и Февронии длилось недолго; мятежные бояре оказываются неспособными удержать власть, и Петра и Февронию вновь призывают в Муром.

Заключительная сцена повести глубоко поэтична. Под старость герои вместе постригаются в монахи и хотят умереть также вместе. Петр первым ощущает приближение смерти и зовет Февронию «отити» вместе. Феврония вышивает «воздух» — ткань для святой чаши. Она просит мужа подождать. Но Петр ждать не может. Тогда она дошивает только лик святого, втыкает иглу

¹ Такое опровержение абсурда другим, столь же явным абсурдом характерно для средневековой литературы. Так же поступал, например, Акир в «Повести об Акире Премудром».

в ткань, обернув ее нитью, которой «шиаше (вышивала)», и умирает вместе с мужем.

После смерти Петра и Февронии их пытаются похоронить раздельно, но чудесным образом оба героя оказываются в едином гробе.

«Повесть о Петре и Февронии» была тесно связана с фольклором, перекликается она и с «бродячими сюжетами» мировой литературы. Из русских сказок повесть больше всего напоминает сказки «Семилетка» и «Стрижена девка», где также рассказывается о женитьбе знатного человека на крестьянской девушке, доказывающей свою мудрость решением трудных задач; здесь также есть мотив изгнания героини, забирающей с собой то, что ей всего дороже, — своего мужа¹. Но в русских сказках (сохранившихся только в записках нового времени) нет мотива болезни и излечения знатного мужа. Очевидно, однако, что этот мотив также присутствовал в фольклорном сюжете, использованном Ермолаем-Еразмом. В одной из новелл «Декамерона» Боккаччо (день III, новелла 9) героиня (Джилетта из Нарбонны) в награду за излечение французского короля получает в мужья одного из придворных. Неравный брак приносит ей горе и изгнание, но мудрость героини, как и в русском сказании, помогает ей добиться победы. Тот же сюжет был использован и Шекспиром в комедии «Все хорошо, что хорошо кончается». Очевидно, сочетание мотивов неравного брака и излечения героя героиней было известно и русскому фольклору XV—XVI вв. Конец повести о Петре и Февронии также связан с фольклорными мотивами и опять напоминает «Тристана и Изольду» — там тоже любовь героев оказывается сильнее смерти (из могилы Тристана вырастает куст терновника, соединяющий ее с могилой Изольды).

Но сходство сюжетных (фольклорных) мотивов «Повести о Петре и Февронии» и «Тристана и Изольды», как мы уже отметили, делает еще более заметным глубокое различие между основными темами этих двух шедевров средневековой литературы. «Повесть о Петре и Февронии» воспеваает не земную любовь, а человеческий ум, впрочем, тоже земной, проявляющийся в быту и в повседневной жизни. Феврония — не абстрактное воплощение добродетели, какими бывали обычно житийные героини, а персонаж с определенным и ярким характером. В этом отношении образ Февронии может быть сопоставлен с образами персонажей из повестей XV в. — Китовраса, Ихнилата, Дракулы (хотя характеры их были совсем иными).

А такое совпадение с «Повестью о Дракуле», «Стефанитом и Ихнилатом» и «Соломоном и Китоврасом», в свою очередь, свидетельствует о том, что исчезновение памятников сюжетного повествования из рукописной традиции XVI в. не означало полного уничтожения тех черт, которые сближают русскую литературу с литературой Возрождения и Нового времени. Искусство, изгоняемое вместе с «неполезными повестями», находило себе иные пути — неожиданно оно возникало в житийной «Повести о Петре и Февронии». Такие черты «Повести о Петре и Февронии», несомненно, противоречили агиографическим канонам XVI в. «Повесть о Петре и Февронии», хотя и созданная одновременно с

¹ См.: Дмитриева Р. П. О структуре «Повести о Петре и Февронии». — ТОДРЛ. Л., 1976, т. XXXI, с. 247—270.

окончательной версией «Великих Миней Четиих» (Успенские и Царские Миней), в их состав включена не была. Фольклорные мотивы повести, ее лаконизм, отсутствие этикетных черт — все это было совершенно чуждо агиографической школе Макария. Однако именно эти черты делают «Повесть о Петре и Февронии» одним из лучших памятников литературы Древней Руси.